

КОМПЛЕКС ПАМЯТНИКОВ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА ОГЛАХТЫ: информационный потенциал и перспективы исследования*

Е. А. Миклашевич

УДК 903.27

Статья посвящена характеристике десяти местонахождений петроглифов Оглахты (Республика Хакасия), которые образуют один из крупнейших комплексов наскального искусства Южной Сибири. Автор описывает расположение и основные особенности каждого из 10 местонахождений, вводит в научный оборот неизвестные архивно-музейные материалы и результаты новых полевых исследований, представляет в виде культурно-хронологической колонки основные этапы развития изобразительных традиций комплекса, намечает перспективы дальнейших исследований. Делается вывод о том, что комплекс имеет большой информационный потенциал и высокую культурно-историческую ценность; обсуждается возможность включения его в Список всемирного наследия ЮНЕСКО.

Ключевые слова: наскальное искусство, Минусинская котловина, Хакасия, Оглахты

Горный массив Оглахты расположен на левом берегу Енисея (Красноярского водохранилища) ниже устья р. Туба на территории Богградского района Республики Хакасия, к югу от с. Советская Хакасия. Это место представляет большой научный интерес с точки зрения геологии, географии, биологии, археологии и других наук: демонстрирует характерный пример куэстового рельефа и большое разнообразие ландшафтов; это одно из немногих в Хакасии мест сосредоточения редких и эндемичных видов растений; здесь обитает 5 видов пресмыкающихся, 148 видов птиц, 44 вида млекопитающих; в горах и окрестностях находятся десятки археологических памятников, относящихся к эпохам от палеолита до нового времени и представляющих практически все этапы хронологической колонки археологии Хакасско-Минусинской котловины, среди них – курганы, склепы, стоянки, крепостная стена, наскальные рисунки [Вадецкая, 1986; Девяткин и др., 2000; Михайлов, 1961]. Данная статья посвящена одному из важнейших компонентов, определяющих значимость этой территории, – наскальному искусству.

Наскальные изображения известны в нескольких пунктах. Наибольшим богатством

по числу изображений отличаются скалы вдоль берега Енисея и юго-западный склон, известный под названием «Сорок Зубьев». Каждый из них даже сам по себе представляет крупный памятник наскального искусства, но взятые все вместе известные к настоящему времени местонахождения образуют комплекс памятников наскального искусства, равному которому нет в Хакасско-Минусинской котловине – регионе, известном как один из богатейших в мировом масштабе ареалов наскального искусства.

Наиболее известными и довольно хорошо представленными в научной литературе являются петроглифы на береговых скалах. Именно они привлекали внимание большинства исследователей, начиная с середины XIX в.¹ То, что изображения есть и на «южном боку горы Оглахты, протянувшемся перпендикулярно к течению Енисея» («Сорок Зубьев» – Е. М.),

¹ Мы не останавливаемся в данной статье на истории изучения петроглифов Оглахты, так как в кратком виде она излагалась уже неоднократно [Шер, 1980, с. 154, 155; Черняева, 1981; Sher et al., 1994, р. 7; Советова, Миклашевич, 1999, с. 50; Есин, 2013, с. 66, 67], а более полная заслуживает специальной публикации. Здесь мы приводим лишь те сведения об изучении памятников, которые имеют отношение к общей характеристике комплекса.

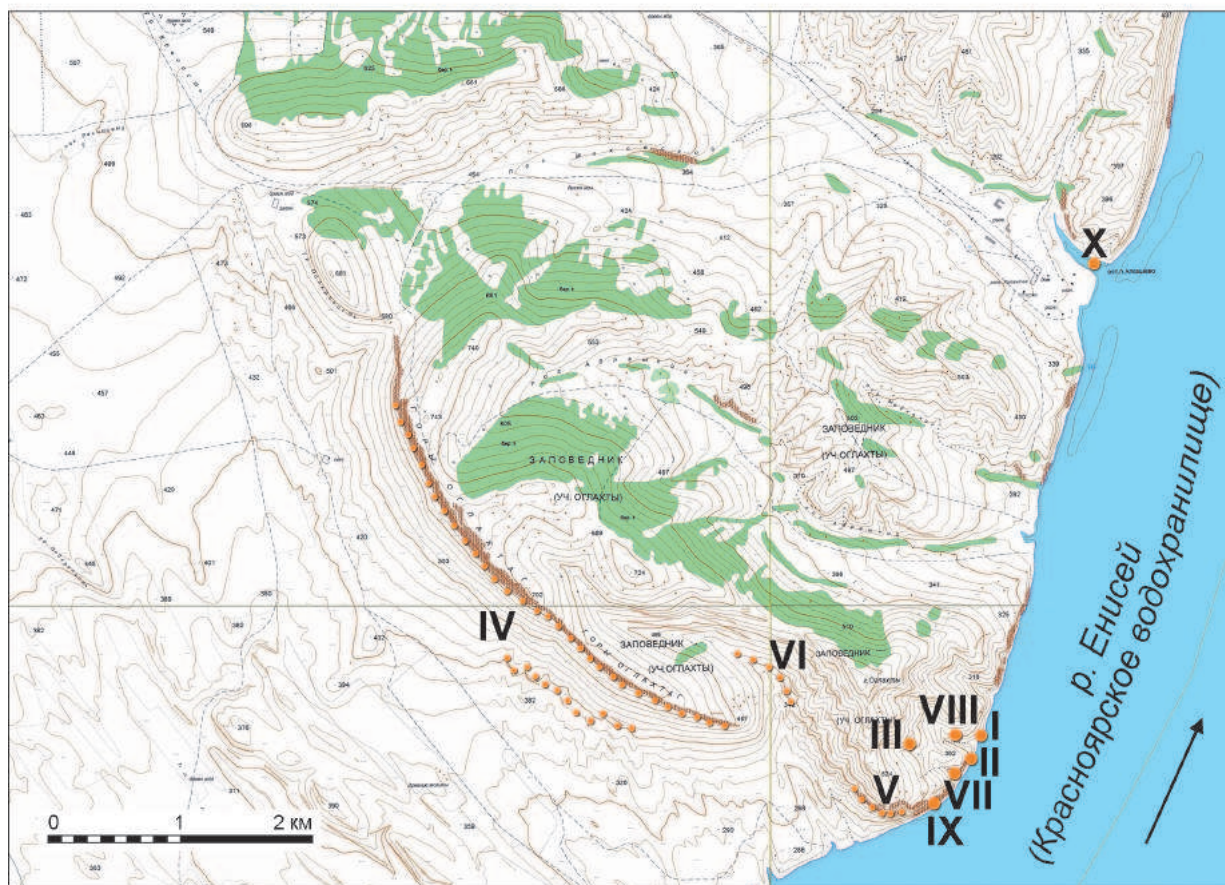
*Работа выполнена в рамках государственного задания № 33.1175.2014/К

1

2

3

Рис. 1. Расположение памятников наскального искусства в горах Оглахты: 1 – панорама скальных выходов восточного склона с указанием локализации местонахождений Оглахты I, II, V, VII, VIII, IX, X; 2 – панорама скальных выходов юго-западного склона с указанием локализации местонахождений Оглахты IV и VI; 3 – карта-схема комплекса.

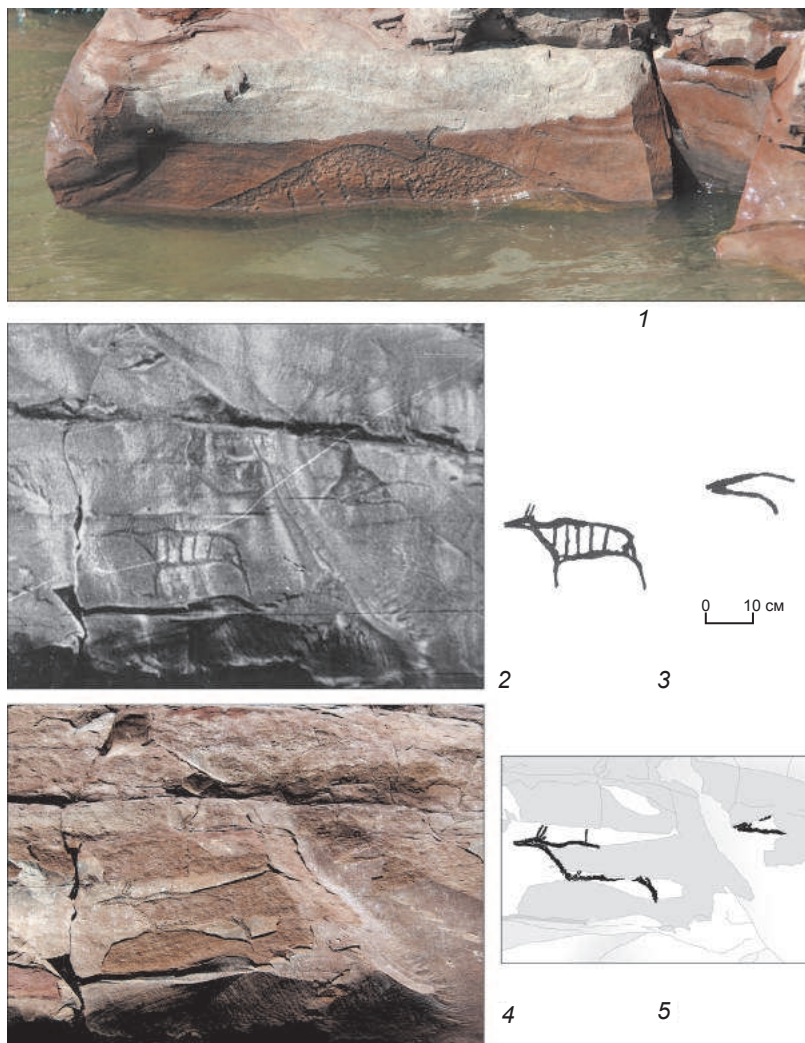

Рис. 2. Оглахты I: 1 – затопленная плоскость с известным изображением быка, которая при естественном уровне воды находилась в 6–7 м выше уреза реки; 2–5 – динамика деструкции одной из регулярно затопляемых плоскостей: 2, 3 – фото и прорисовка Я. А. Шера, 1968 г.; 4, 5 – фото и прорисовка автора, 2014 г.

выяснилось в начале XX в. в ходе исследований А. В. Адрианова. Он счёл эти местонахождения двумя отдельными «писаницами» и присвоил им разные индексы: XLI – для береговых скал, XL – для «утесистого гребня» на южном склоне [Адрианов, 1907, с. 38, 39]. Эти местонахождения действительно можно считать совершенно отдельными памятниками, так как они расположены довольно далеко друг от друга. Однако последующее обнаружение «промежуточных» местонахождений между ними, со сходными по стилю и сюжетам рисунками, позволяет связывать их все в единый комплекс.

Следующее после А. В. Адрианова серьёзное документирование наскальных рисунков горы Оглахты было предпринято в 1965–1969 гг. сотрудниками руководимого Я. А. Шером отряда Красноярской археологической экспедиции ЛОИА. Исследовались, главным образом, рисунки на береговых скалах в связи с предстоящим их затоплением водохранилищем Красноярской ГЭС; они были разделены

на два местонахождения. Кроме того, был выявлен новый пункт высоко в горах, и в результате Я. А. Шер предложил следующую индексацию: Оглахты I и II – местонахождения на береговых скалах (которые Адрианов обозначил как писаница XLI); Оглахты III – несколько плоскостей «на восточном склоне горы, у гребня»; Оглахты IV – комплекс «в верхней части южного склона горы» [Шер, 1980, с. 158] (Адриановым он был обозначен как писаница XL).

Другую индексацию, с учётом сведений из архивных материалов, предложила Э. Б. Вадеевская [1986, с. 163]: писаница «Оглахтинская I» (XLI по Адрианову, Оглахты I и II по Шеру); «Оглахтинская II» (XL по Адрианову, Оглахты IV по Шеру); «Оглахтинская III» (Оглахты III по Шеру); «Оглахтинская IV» – «на северном склоне горы, выше устья протоки, идущей к улусу Саргов»; «Оглахтинская V» – «в горах по направлению к деревне Бородино» (эти два местонахождения никто не исследовал, есть только сведения о них, сообщённые А. В. Ад-

рианову местными жителями – Е. М.); «Оглахтинская VI» – местонахождение, обнаруженное в 1973 г. Л. Р. Кызласовым в Абрашкином логу, внутри горного массива [Кызласов, 1974, л. 40].

В 1970–80-х гг., когда береговые скалы были уже затоплены, интенсифицировалось изучение остальных участков Оглахты; исследования проводились Н. В. Леонтьевым, Л. Р. и И. Л. Кызласовыми, В. Ф. Капелько, Б. Н. Пяткиным. Под руководством последнего на памятнике несколько лет работал Петроглифический отряд Южносибирской археологической экспедиции Кемеровского государственного университета, в составе которого в числе прочих участников были О. С. Черняева (Советова) и автор этих строк. Проведённые исследования выявили ещё несколько новых пунктов, как внутри горного узла, так и на южном склоне и даже на береговых скалах выше уровня затопления и в логах, отходящих от береговой линии. Индексация новых местонахождений была разработана в продолжение индексации, предложенной Я. А. Шером. Таким образом, всего в горах Оглахты было выделено 8 пунктов наскальных изображений [Советова, Миклашевич, 1999, с. 50, 51].

В 2014 г. при очередном обследовании состояния береговых скал в поисках уцелевших после затопления петроглифов было совершенно неожиданно обнаружено ранее никем не отмеченное местонахождение, получившее индекс Оглахты IX [Миклашевич и др., 2015].

Таким образом, если учесть ещё такой памятник, как Апкашевская писаница, открытый в 1958 г. Н. Л. Членовой [Членова, 1981, с. 86–87] близ улуса Апкашев в большом логу между южной и северной частями массива, которому (поскольку мы не включили его в комплекс ранее) можно присвоить индекс Оглахты X, то в горах Оглахты насчитывается по меньшей мере десять отдельных местонахождений. При этом надо иметь в виду ещё два возможных пункта, сведения о которых приводит Э. Б. Вадецкая, пункт, обнаруженный Л. Р. Кызласовым, а также тот факт, что полностью территория скального массива Оглахты пока не была обследована, и следовательно, открытие новых скоплений наскальных рисунков весьма вероятно. Сложившаяся индексация носит весьма условный характер, не совсем логична и скорее всего, с накоплением новых материалов и проведением картографирования с помощью GPS-данных, будет пересмотрена. Нами самостоятельное

исследование некоторых местонахождений комплекса Оглахты проводилось в 1990–1992 и 2002 гг. С 2014 г. изучение комплекса возобновлено и проводится теперь на новом уровне с использованием современных технологий документирования. Возможность зафиксировать координаты каждой плоскости и увидеть их точное взаиморасположение на карте – одно из существенных преимуществ нашего времени. Однако большая территория массива Оглахты и сложность его рельефа означают, что полная картина распределения петроглифов будет установлена очень нескоро. Поэтому пока мы будем придерживаться старой системы индексации и приведём здесь краткую характеристику местонахождений наскального искусства Оглахты в соответствии с ней (рис. 1).

Оглахты I. Сравнительно небольшой по протяжённости участок береговых скал (восточный склон) между двумя глубокими логами, тяготеющий к южному из них. Плоскости с петроглифами были расположены очень компактно, несколькими ярусами, начиная от береговой линии; причём верхние ярусы находились на недоступных скалах. Часть плоскостей расположена на юго-восточных и южных гранях скальных выходов в устье лога, высоко над водой. Наиболее полное обследование и копирование осуществлено А. В. Адриановым (1907 г.) и Я. А. Шером (1960-е гг.). Материалы последнего полностью опубликованы

Рис. 3. Оглахты I; микалентная копия на плоскостях, сохранившихся после затопления. Фото автора, 1990 г. В настоящее время эти петроглифы разрушены или погребены под обломками скал.

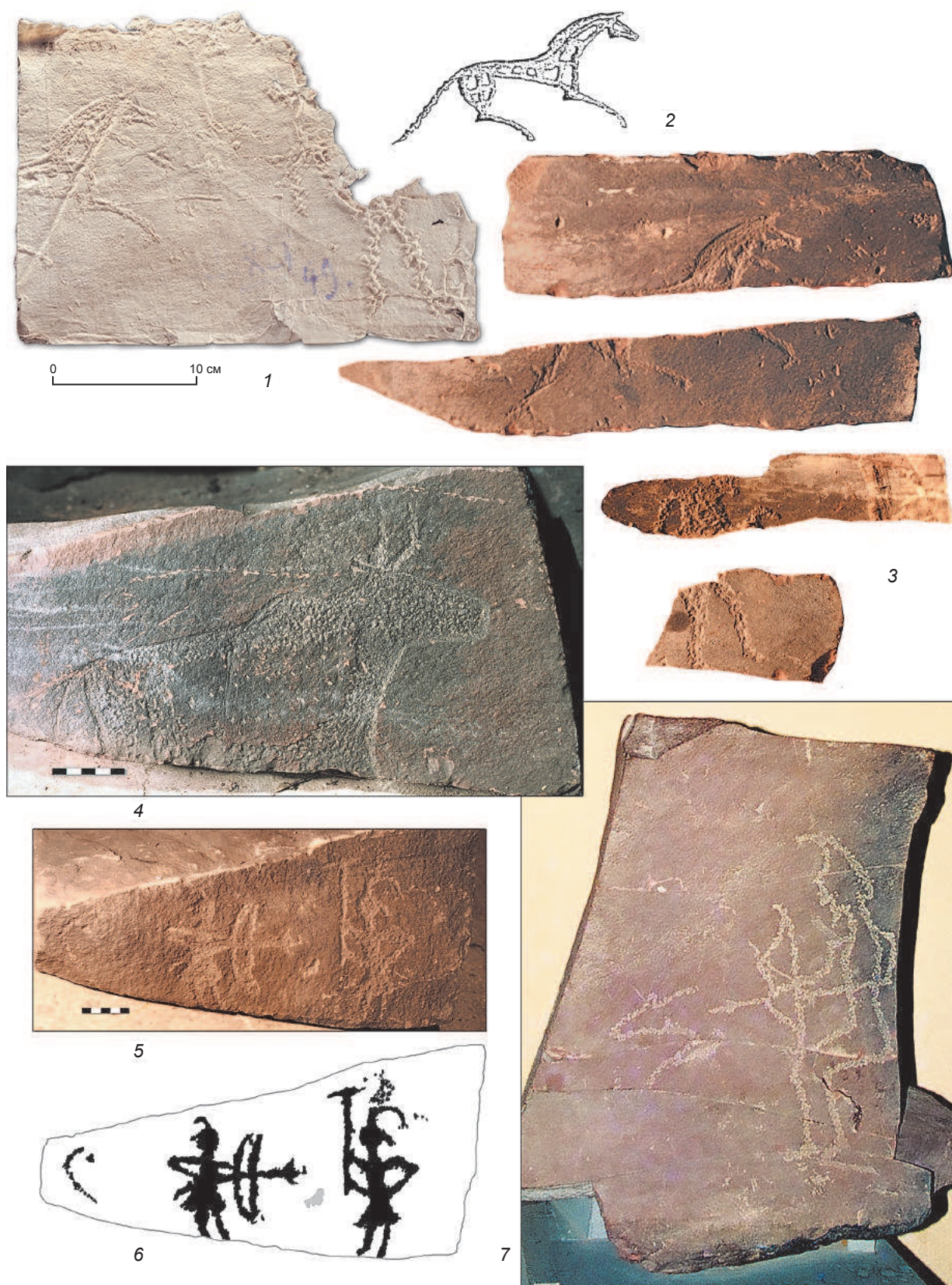

Рис. 4. Оглахты I, фрагменты скальных блоков с изображениями, вывезенные с памятника перед затоплением и сохранившиеся в музеях: 1 – эстампаж А. В. Адрианова, 1907 г. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург); 2 – зарисовка этого же изображения участниками финской экспедиции И. Р. Аспелина, 1887 г. [Appelgren-Kivalo, 1931, Abb. 138]; 3 – фрагменты плоскости с этим изображением, выпиленные А. Н. Липским в 1966 г. (Хакасский национальный краеведческий музей им. Л. Р. Кызласова); 4, 5 – фрагменты другой плоскости; 6 – прорисовка изображений одного из фрагментов; 7 – восстановленная из фрагментов плоскость (Государственный Эрмитаж). Фото автора.

[Sher et al., 1994]; по данным этой публикации, на местонахождении примерно 120 плоскостей и около 600 отдельных изображений.² Сейчас большая часть из них, видимо, утрачена. Размеры утрат точно оценить невозможно, так как, в основном, плоскости этого местонахождения затоплены. Некоторые из них ещё сохраняются (рис. 2), другие уже достоверно разрушены, третьи скрыты обломками скал и их состояние неизвестно.

Мы несколько раз проводили осмотр береговых скал в периоды падения уровня воды в водохранилище. Так, летом 1990 г., когда он был почти близок к естественному уровню Енисея, и к этому местонахождению было даже возможно пройти по берегу, нам удалось увидеть и скопировать довольно значительную часть изображений. Вызывало даже удивление, как много петроглифов ещё сохранилось, поскольку все были уверены, что после затопления они погибли полностью. Было сделано 40 микалентных копий, что соответствует, примерно, 50–60 плоскостям по индексации Я. А. Шера, так как мы фиксировали рядом расположенные плоскости на общую копию (рис. 3). Ещё около 10–15 плоскостей на верхних недоступных ярусах можно было увидеть, но невозможно скопировать. Было обнаружено несколько новых изображений, в их числе выполненное красной краской (краска сохранилась даже после пребывания под водой). Таким образом, в тот период ещё сохранялось более половины из известных плоскостей (может быть, даже больше, так как изображения на самых нижних ярусах физически не погибли, но стали недоступны из-за закрывающих их осыпей). Мониторинг этого же участка в последующие годы (2002; 2012; 2014) показал, что разрушение продолжается и принимает катастрофический характер. С каждым годом петроглифов остаётся всё меньше и меньше. Одни плоскости уже утрачены полностью из-за обрушения блоков, другие сохранились на своих местах, но изображения постепенно утрачиваются из-за отслоения скальной корки (рис. 2, 2–5).

Упомянем ещё такой факт из истории Оглахты I, как предпринятые в 1966 г. А. Н. Липским попытки спасти петроглифы от затопления путём взрывания или выпиливания скальных

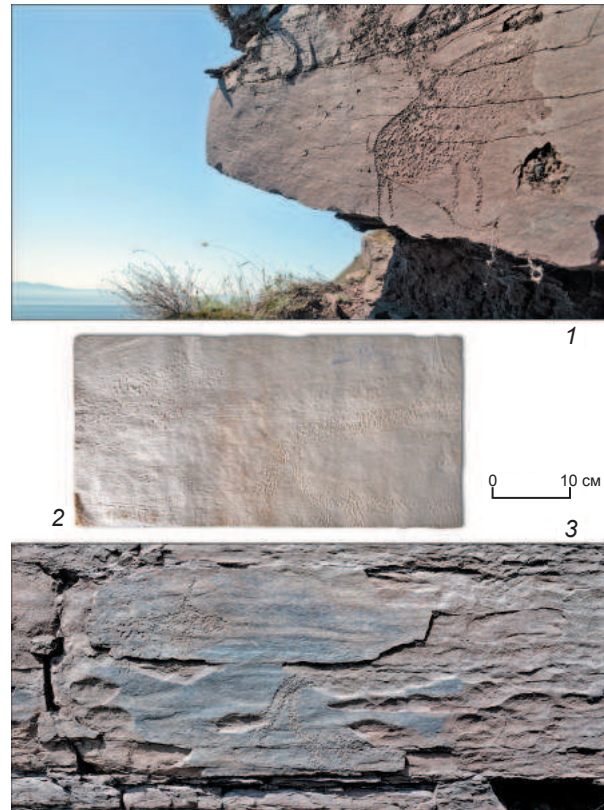

Рис. 5. Оглахты II: 1 – изображение кабана, фото А. К. Солодейникова, 2014 г.; 2 – эстампаж А. В. Адрианова, 1907 г. (МАЭ РАН, Санкт-Петербург), фото А. К. Солодейникова, 2013 г.; 3 – состояние этой же плоскости после затопления, фото Л. Л. Бове, 2014 г.

блоков [Шер, 1980, с. 155, 158]. При этом залегающие горизонтальными пластами блоки девонского песчаника, естественно, распались на тонкие пластины с фрагментами изображений на узких торцах (рис. 4). Пластины эти тем не менее были тщательно собраны и свезены в краеведческий музей в Абакане, где хранятся в фондах и по сей день ждут реставрации. Таким способом было спасено (или разрушено?) несколько очень интересных плоскостей, среди которых и одна из самых «знаковых» для Оглахты сцен раннескифского времени с «господином коней» [Шер, 1993; Миклашевич, Ожередов, 2008, с. 176, рис. 16–19]. По всей вероятности, во время этих рискованных «спасательных» операций некоторые плоскости были разрушены, а от других удалось найти не все фрагменты. Но всё же, собранная А. Н. Липским необычная коллекция даёт возможность восстановить многие композиции и пополнить корпус петроглифов местонахождения Оглахты I.

Современный уровень документирования позволяет зафиксировать изображения более точно, выявить композиционные связи, тех-

² Точно обозначить число плоскостей и отдельных изображений не всегда возможно в связи с условностью выделения тех и других во многих случаях.

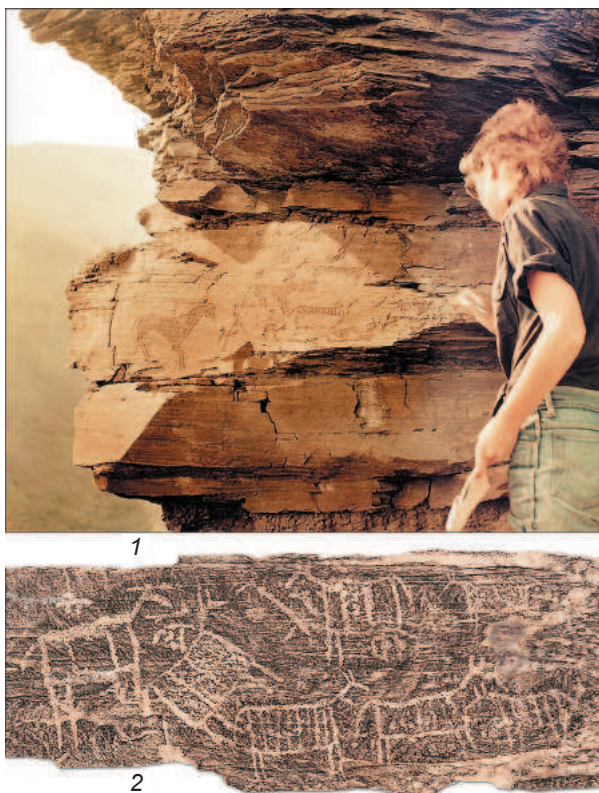

Рис. 6. Оглахты III: 1 – О. С. Черняева (Советова) у плоскости с раннескифскими изображениями коней, фото Б. Н. Пяткина, 1984 г.; 2 – микалентная копия плоскости с карасукскими изображениями.

нологические и стилистические особенности, уточнить значимые детали. Цифровые фотографии высокого разрешения и технологии изготовления факсимильных копий позволяют хотя бы таким образом сохранить для потомков то, что неизбежно разрушится со временем. Поэтому так важно продолжать исследование этого местонахождения, выявлять и документировать то, что ещё сохранилось.

Оглахты I – очень крупный памятник, чрезвычайно значимый в культурно-историческом и даже эстетическом отношении. Здесь представлены высокохудожественные изображения самых разных периодов. Абсолютное их большинство относится к древнейшему пласту, датировка которого дискуссионна (предположительно, каменный век или энеолит, но, во всяком случае, их возраст не менее 5 тысяч лет). Это фигуры диких быков-туров, благородных оленей, лосей, диких лошадей, архаров, медведей, кабанов (то есть животных, либо вымерших, либо изменивших к настоящему времени свой ареал), а также изображения рыб, лодок, антропоморфных фигур в рогатых головных уборах. Другой заметный пласт относится к раннескифскому времени и представлен

характерными именно для оглаhtинского комплекса образами «отмеченных» коней [Советова, 1987; 2005, с. 36–44], а также антропоморфными фигурами в головных уборах скифского типа, стреляющими из лука или держащими коней. Отдельные, более малочисленные изображения относятся к эпохе ранней и поздней бронзы, раннего железного века, средневековья.

Оглахты II. Меньшее по количеству рисунков, чем Оглахты I, местонахождение в северной части участка береговых скал, расположенного между тем логом, который разделяет Оглахты I и II (на севере) и логом под названием Бугаев (на юге). Петроглифы здесь также исследовались А. В. Адриановым (1907 г.) и Я. А. Шером (1960-е гг.). Последним зафиксировано 14 плоскостей и более 30 отдельных фигур, материалы полностью опубликованы [Sher et al., 1994]. Большая часть изображений сохранилась, так как они расположены значительно выше уровня воды, хотя почти все плоскости труднодоступны (рис. 5, 1). При снижении уровня воды нам удалось обнаружить ещё ряд плоскостей на затопленных ярусах: одни ниже тех, что представлены в книге Я. А. Шера, а другие – южнее. Все они сохранились лишь во фрагментах (рис. 5, 3), однако некоторые могут быть восстановлены по эстампам А. В. Адрианова (рис. 5, 2). Таким образом, на этом местонахождении сейчас известно около 20 плоскостей и более 40 отдельных фигур, и есть надежда обнаружить ещё. На Оглахты II представлены изображения древнейшего пласта – быктуры, олени, кабан, дикая лошадь, лодки. Одна композиция с изображением всадника, стреляющего из лука в неопределённое животное, с собакой отнесена к народным рисункам хакасов [Кызласов, Леонтьев, 1980, табл. 40, 1].

Оглахты III. Обнаруженный в 1968 г. экспедицией Я. А. Шера пункт находится на значительном удалении от береговой линии, высоко на гребне горы. Он состоит из 5 компактно расположенных граней, на которых выбиты изображения коней (один маскирован под оленя), неопределённых животных, оленя с подогнутыми ногами, всадников, антропоморфных фигур [Шер, 1980, рис. 91; Sher et al., 1994; Советова, 2005, рис. 15]. Всего около 50 изображений. Рисунки относятся к эпохе поздней бронзы и раннескифскому времени (рис. 6).

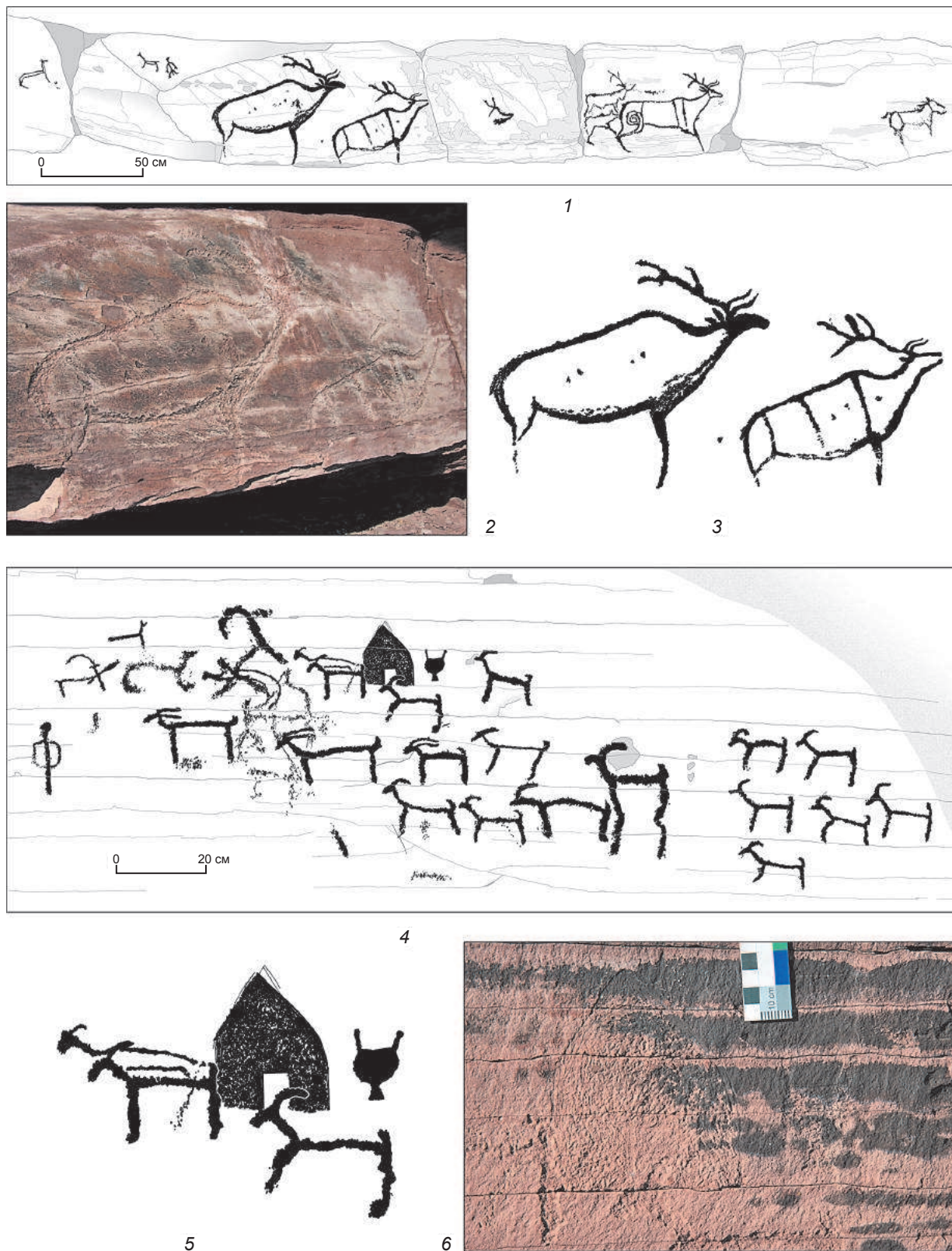

Рис. 7. Оглахты IV, петроглифы 1-го «зуба». Копии и фото автора, 2014 г.

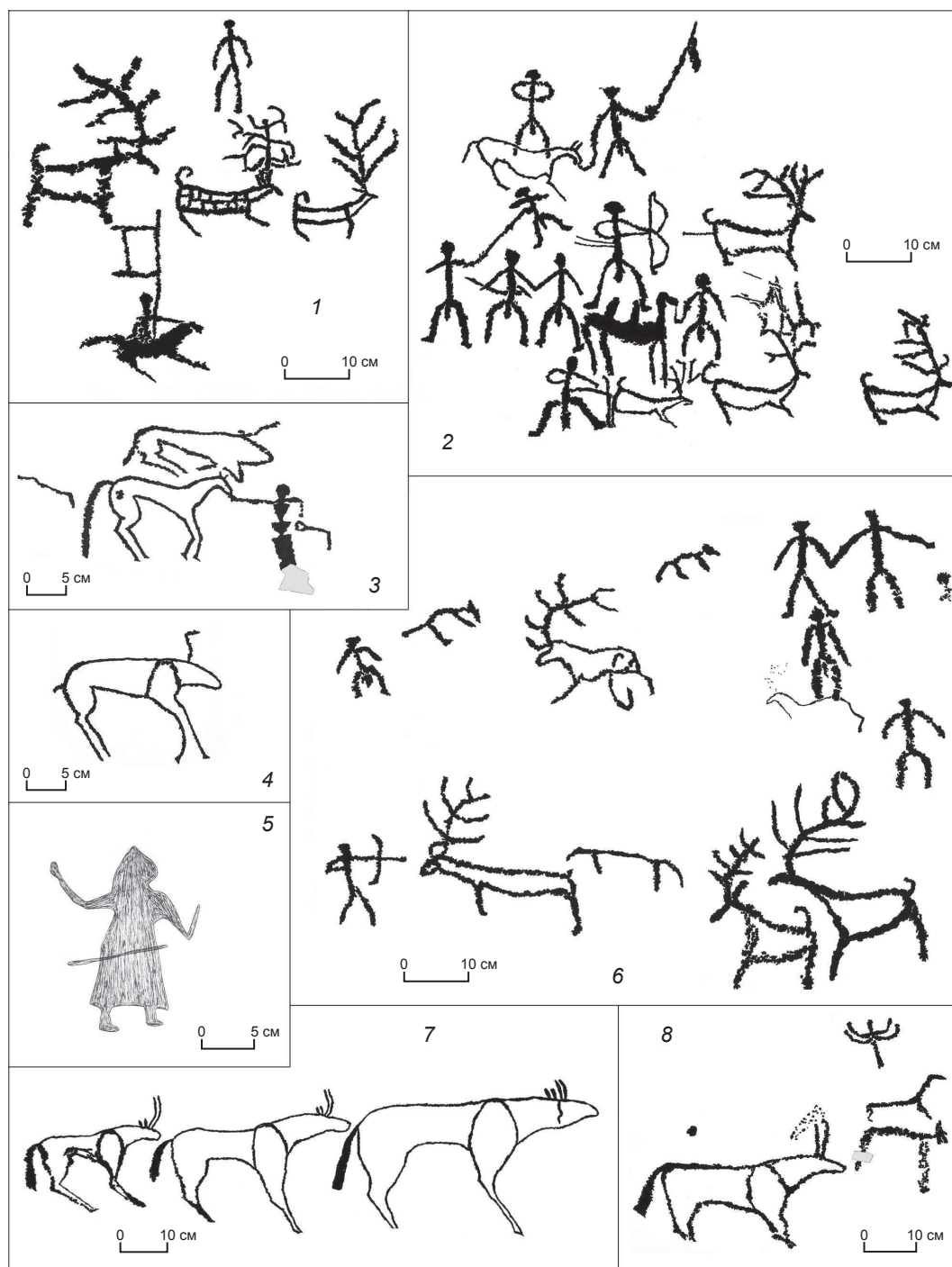

Рис. 8. Оглахты IV, петроглифы неясной культурно-хронологической принадлежности. Копии автора, 1992 г.

Оглахты IV. Это местонахождение является самым крупным, причём не только в составе оглаhtинского комплекса, но и, возможно, среди всех памятников наскального искусства Хакасско-Минусинской котловины. Плоскости с петроглифами расположены на протяжении 4 км на скальных выходах в верхней части юго-западного склона высокой горы, известной под названием «Сорок Зубьев». Мощные каменные выступы здесь действительно образуют своего

рода «гребёнку» (рис. 1, 2), формирующую характерный впечатляющий вид этой необычной горы. Работу по копированию местонахождения начал А. В. Адрианов [1907, с. 38, 39], который зафиксировал здесь «около 507 фигур», сделав 86 эстампажей. Однако он отметил, что «при более тщательном обследовании южного конца Оглахтов число фигур может быть удвоено и утроено против указанного», и что «разыскания затруднялись труднодоступностью

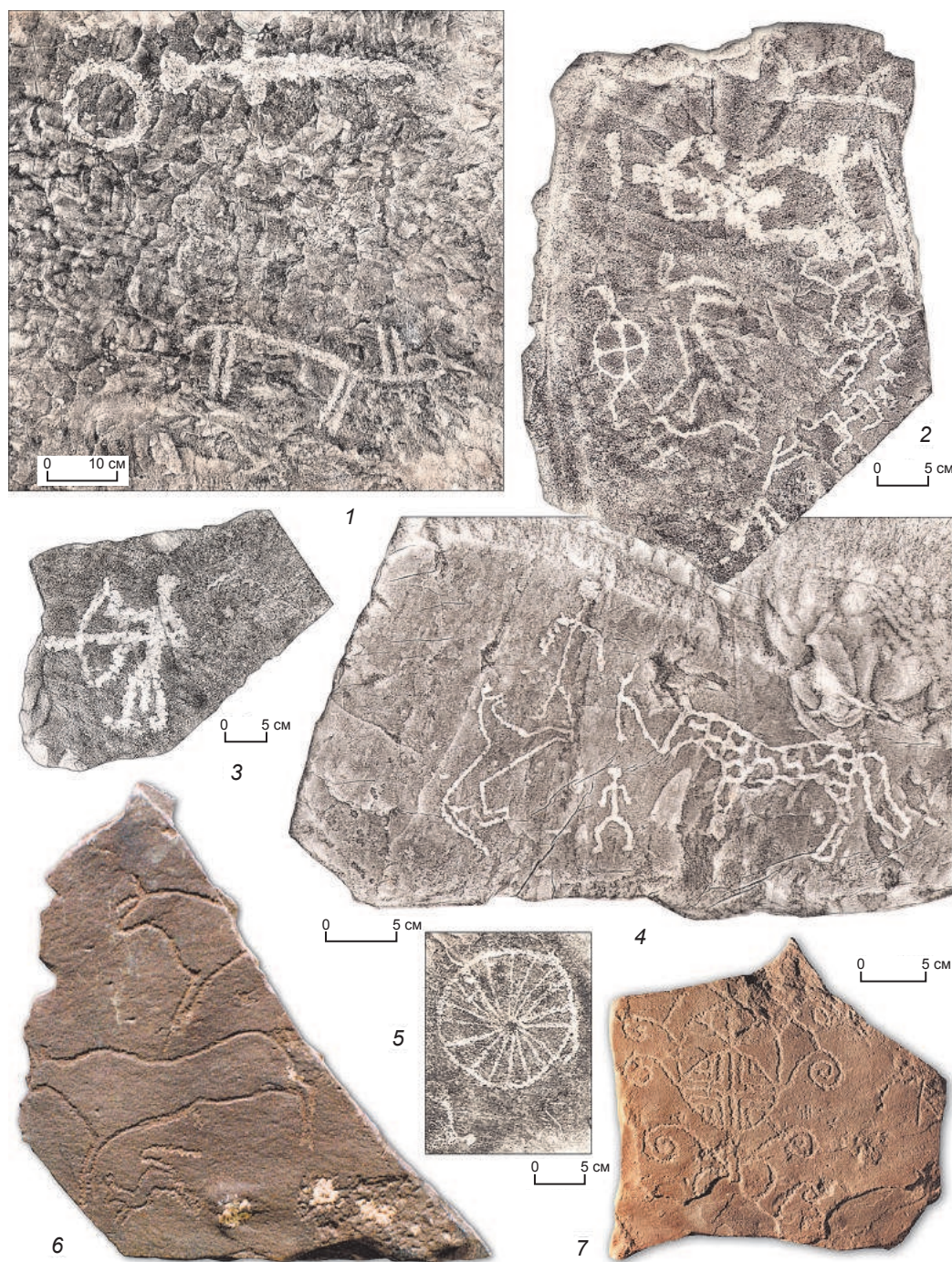

Рис. 9. Оглахты IV, плиты из урочища Кизань. Микалентные копии из архива Б. Н. Пяткина и подлинные плиты из коллекции Музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ.

писаницы, постоянной опасностью сорваться и разбиться» [там же]. В 1970-е гг. петроглифы «Сорока Зубьев» изучали Н. В. Леонтьев, В. Ф. Капелько, Л. Р. Кызласов и др. С 1978 г. на памятнике работал отряд под руководством Б. Н. Пяткина, поставившего задачу полного копирования всех изображений [Советова, Миклашевич, 1995, с. 50; Pyatkin, Sovetova, Miklashevich, 1998, p. 17]. В 1992 г. эта работа была завершена. Всего было зафиксиро-

вано примерно 260 плоскостей и не менее 1500 отдельных фигур. Однако, учитывая наш опыт ре-документирования на современном этапе других изученных в тот период памятников, при новом исследовании будет выявлено ещё очень много других плоскостей и особенно новых фигур на уже известных плоскостях. В 2014 г. было возобновлено документирование петроглифов горы «Сорок Зубьев» (рис. 7) и уже на первом «Зубе»

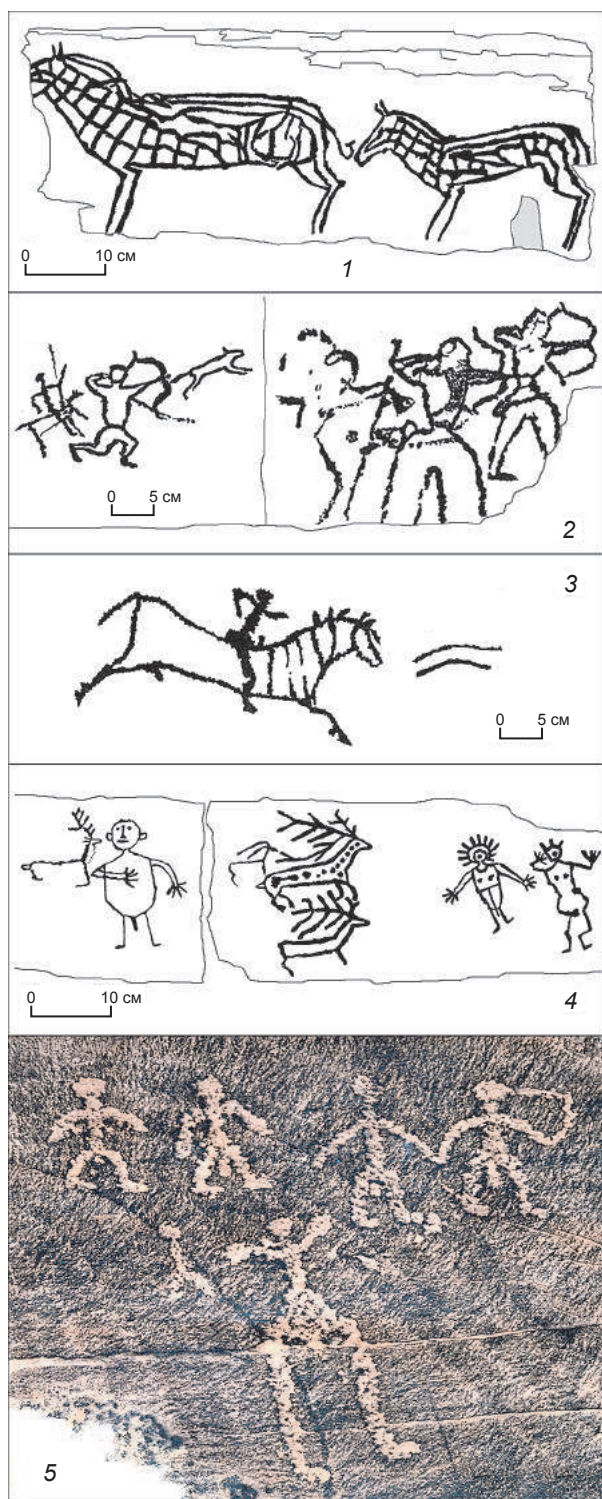

Рис. 10. Оглахты V, прорисовки и микалентная копия [Пяткин, Советова, Миклашевич, 1995].

в результате расчистки лишайников выявлены 3 новые плоскости.

По результатам предыдущих исследований, можно сказать, что большинство изображений этого местонахождения относится к позднему времени (XVIII – нач. XX вв.). Часть из них опубликована [Кызласов, Леонтьев, 1980,

табл. 32–39]. Эти рисунки чрезвычайно интересны в плане изучения как верований хакасов, так и реалий их повседневной жизни. Здесь изображены разнообразные кони (целые стада коней!): украшенные, с тамгами, «в яблоках», с «бубенцами», осёдланные, со всадниками и без, у конюшней, запряжённые в телегу и т.д. Есть также изображения верблюдов, оленей, собак, коз. Многочисленны антропоморфные фигуры: в различной одежде, схематичные, держащиеся за руки, образующие ряды из десятков фигур, с луками, ружьями на сошках и т.д. Много изображений шаманов с бубнами и колотушками, в одеяниях с бахромой. Многочисленны тамги и другие знаки, а также загадочные сложные схематические фигуры. Ни на каком другом памятнике в Хакасии нет такого огромного количества «этнографических» рисунков. Кроме них, на «Зубьях» представлены и все другие эпохи: «минусинский» и «ангарский» стили древнейшего пласта, изображения окуневской, карасукской, тагарской и таштыкской культур, хунно-сяньбийского времени, раннего и позднего средневековья. Есть также довольно представительные серии интересных изображений, атрибуция которых нам пока неясна (рис. 8). Что касается техники, то здесь представлены как выбитые изображения, так и в большом количестве гравированные и прошлифованные.

Нижняя часть склона под «Сорока Зубьями» относится к так называемому урочищу Кизань. Это тоже обширная территория, в разных местах которой встречаются петроглифы. Одни из них нанесены на небольшие скальные выходы, концентрирующиеся дугообразными выступами в средней части горы (рис. 1, 2), другие (большая часть) – на плитки и плиты, во множестве рассыпанные по террасам, выступам и гривам сложного рельефа склона и подножия горы. Это обломочный материал, образующийся в результате естественного разрушения скальных выходов и скатывающийся по склону. Впервые обратил внимание на то, что такие плитки для нанесения рисунков используют пастухи-хакасы, А. В. Адрианов [1906, л. 2]; он сделал эстампажи с нескольких из них и передал одну плиту в Красноярский музей, а другие – в музей Красноярского Подотдела Географического общества [Адрианов, 1908, с. 46]. В 1972 г. большую серию изображений на плитках случайно обнаружил В. Ф. Капелько, после чего они стали целенаправленно отыскиваться, изучаться и были атрибутированы как «народные рисунки хакасов» [Леонтьев, 1977; Кызла-

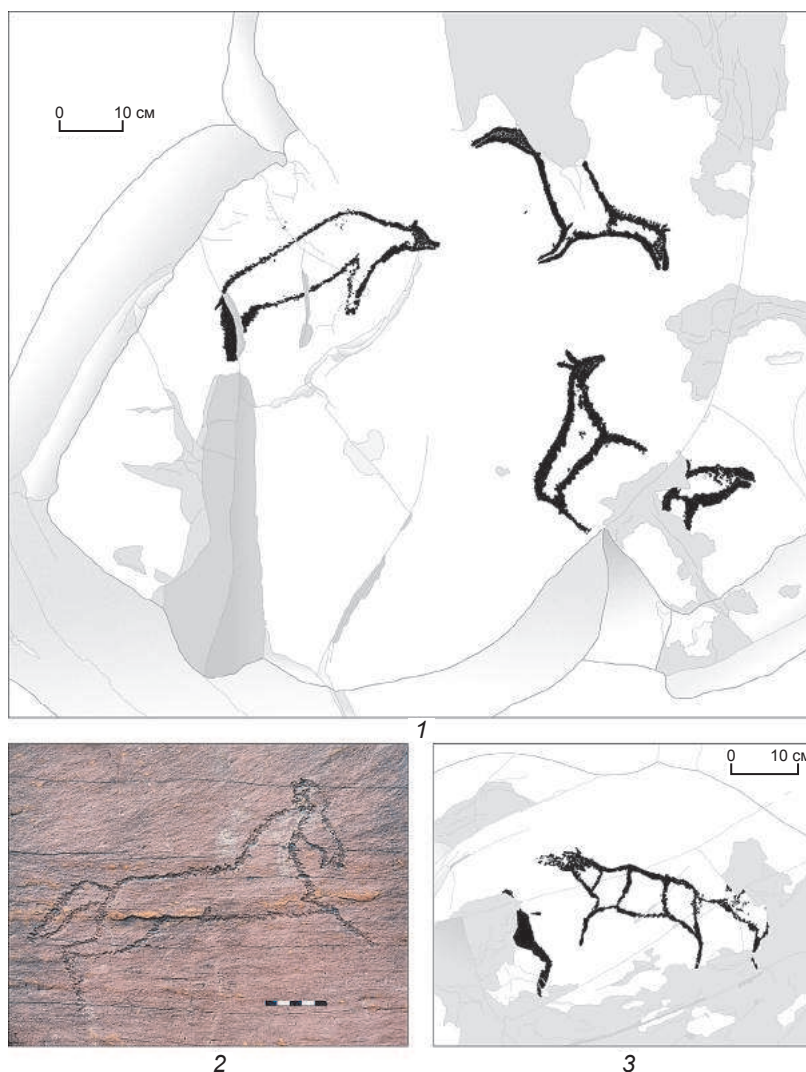

Рис. 11. Оглахты VI. Фото и прорисовки автора, 2014 г.

сов, Леонтьев, 1980]. 87 плит было вывезено в Минусинский музей и ещё много скопировано на месте. Также большая серия плит была позже обнаружена во время работ Петроглифического отряда под руководством Б. Н. Пяткина, часть из них вывезена в Музей Кемеровского университета [Миклашевич, Мухарева, 2011, с. 64, рис. 1, 3, 5, 6], где и хранится наряду с большой коллекцией микалентных копий с других плиток (рис. 9). Отдельные плитки хранятся в Хакасском национальном краеведческом музее (г. Абакан), учебном археологическом музее Новосибирского государственного университета и, возможно, в других местах. Опубликована только часть этого интереснейшего разрозненного по разным музеям «собрания» [Кызласов, Леонтьев, 1980, рис. 4–7, 16–18, табл. 7–31], и неизвестно, сколько ещё плит с изображениями *in situ* ожидает исследования. В целом, видимо, можно оценить количество петроглифов (отдельных изображений) на скалах и плитах в урочище Кизань как не менее 1000.

К этому же урочищу относится совершенно выдающийся объект – большая плита, лежащая южнее и выше на склоне под «Зубьями», вся поверхность которой покрыта множеством изображений, среди которых есть кинжалы, личины, животные, колесницы, «колёса», концентрические круги, спирали, кольца и др. Рисунки были обнаружены в 1978 г. экспедицией Б. Н. Пяткина, случайно, при удачном освещении, так как едва проглядывали сквозь толстый слой покрывающего их лишайника. После расчистки на плите выявились вышеперечисленные уникальные сюжеты. Особый интерес, конечно, вызвали многочисленные изображения кинжалов, благодаря которым рисунки на плите были отнесены к карасукской культуре (предскифскому времени) [Пяткин, 1979; 1985]. Естественно, плита из урочища Кизань вызывала интерес у многих исследователей и неоднократно копировалась и публиковалась. Последняя публикация [Есин, 2013] содержит наиболее точную прорисовку петроглифов

Рис. 12. Оглахты VII: 1, 2, 4, 5 – фото Л. Л. Бове, 2014 г.; 3 – прорисовка автора, 1992 г.

этого объекта (всего Ю. Н. Есиным выявлено 162 изображения) и их подробный анализ.³

Эта плита – не единственная в Кизани, на которой присутствуют изображения не «этнографического» времени. На наш взгляд, даже среди опубликованных Н. В. Леонтьевым и Л. Р. Кызласовым плиток не все изображения однозначно можно отнести к народным рисункам хакасов. Среди известных нам материалов на плитках определённо есть не только хакаские рисунки; часть из них может быть отнесена и к тагарским, и к карасукским, и к изображениям хунно-сяньбийского времени, особенно тесинским. Отметим, что на одной из плит есть ещё одно изображение кинжала вместе с кольцом и типично «карасукским» животным (рис. 9, 1) и несколько раз встречены плитки с изображением «колеса» (рис. 9, 5). Думается, что целенаправленный поиск плит и расчистка их от лишайника дадут ещё более представительные серии изображений, более ранних, чем «этнографические».

Оглахты V. Этот пункт связан с одним из мощных средних ярусов скальных выходов, расположенных между береговыми местонахождениями и «Сорока Зубьями», на юго-западном и частично юго-восточном склонах, в той их части, которая выходит к Енисею (используется также название «Чёртов лог»). Копирование изображений осуществлялось экспедицией Б. Н. Пяткина в конце 1970-х – начале 1990-х гг. Всего здесь было выявлено 60 плоскостей и 130 отдельных изображений. Материалы документирования полностью опубликованы [Пяткин,

³ В названии своей статьи Ю. Н. Есин использовал для этой плиты название «Шаман-камень», что на наш взгляд, не следовало бы делать. Это название никак не связано с объектом, а было придумано В. Ф. Капелько «для домашнего пользования» в экспедиции, как мы часто даём условные, порой смешные, названия той или иной ключевой плоскости. Ими удобно пользоваться в своём кругу, но мы не переносим их в научные работы. В случае с плитой из урочища Кизань (такое название прозвучало в первых публикациях) нужно ещё учитывать тот факт, что именно слово «шаман» в привившемся с лёгкой руки Капелько названии вызывает в последние годы нездоровый ажиотаж вокруг объекта, который к шаманизму никакого отношения не имеет. Несмотря на то, что плита находится на территории Государственного природного заповедника «Хакаский», куда доступ без специального разрешения запрещён, экзальтированные люди время от времени проникают туда, чтобы проводить свои обряды у якобы священного камня. Некоторые из них пытаются делать копии. Привлекающее посетителей название «Шаман-камень», конечно же, эксплуатируют и сотрудники туристических организаций, и даже самого Заповедника. Использование же такого названия в научной публикации как бы и вовсе его «узаконивает». При этом для широкой публики магическое слово «шаман» отвлекает от понимания подлинной ценности и значения этого уникального археологического объекта.

1

2

Рис. 13. Оглахты VIII. Фото Б. Н. Пяткина, 1984 г.

Советова, Миклашевич, 1995]. Изображения относятся к скифскому времени, хунно-сяньбийскому, таштыкской культуре, раннему средневековью; довольно много хакаских или позднесредневековых рисунков (рис. 10). Одна из фигур [там же, табл. XIII, 1] имеет очень архаичный облик, но датировка её неясна. Неясна и атрибуция многих других рисунков [там же, табл. II, 3; XVI, 1; XVII и др.]. Корпус петроглифов этого местонахождения, несомненно,

1

2

Рис. 14. Оглахты IX: 1 – поиск петроглифов с лодки; 2 – фрагмент композиции с противостоящими архарами (?), фото А. К. Солодейникова, 2014 г.

может быть пополнен при новом исследовании, в первую очередь за счёт выявления изображений в результате расчистки от лишайника и уточнения гравированных рисунков с помощью современных методов фотофиксации.

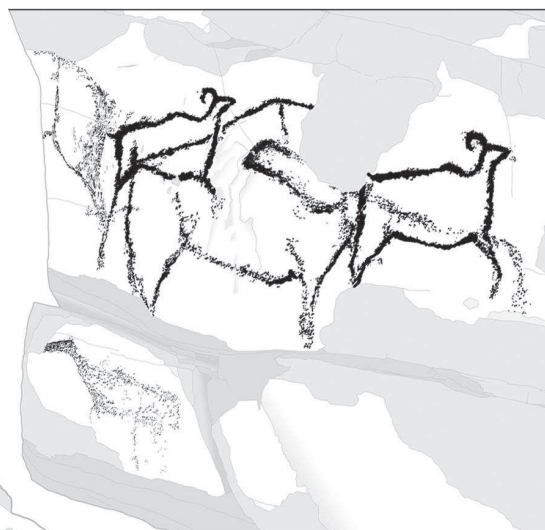
Оглахты VI. Местонахождение в северо-западной части того же склона, где находится Оглахты V, в том месте, где он подходит к южной оконечности и северному склону горы «Сорок Зубьев». Нам известно около 20 плоскостей на нижних ярусах скал, идущих вдоль глубокого лога между горами. Здесь есть и гравировки, и выбивки разных эпох, среди них большой

интерес представляют две плоскости с древнейшими изображениями (рис. 11, 1, 3). Одна из них – горизонтально-наклонный скальный выход в укромной нише, скрытой кустарником. В характерном «минусинском» стиле изображены по-разному ориентированные лошадь, голова другой лошади, козуля (?) и медведь. На самом деле, плоскостей в этом пункте должно быть во много раз больше (например, имеются материалы В. Ф. Капелько, нашедшего и скопировавшего здесь несколько десятков плоскостей, в основном, с гравированными рисунками), но пока мы не имели возможности про-

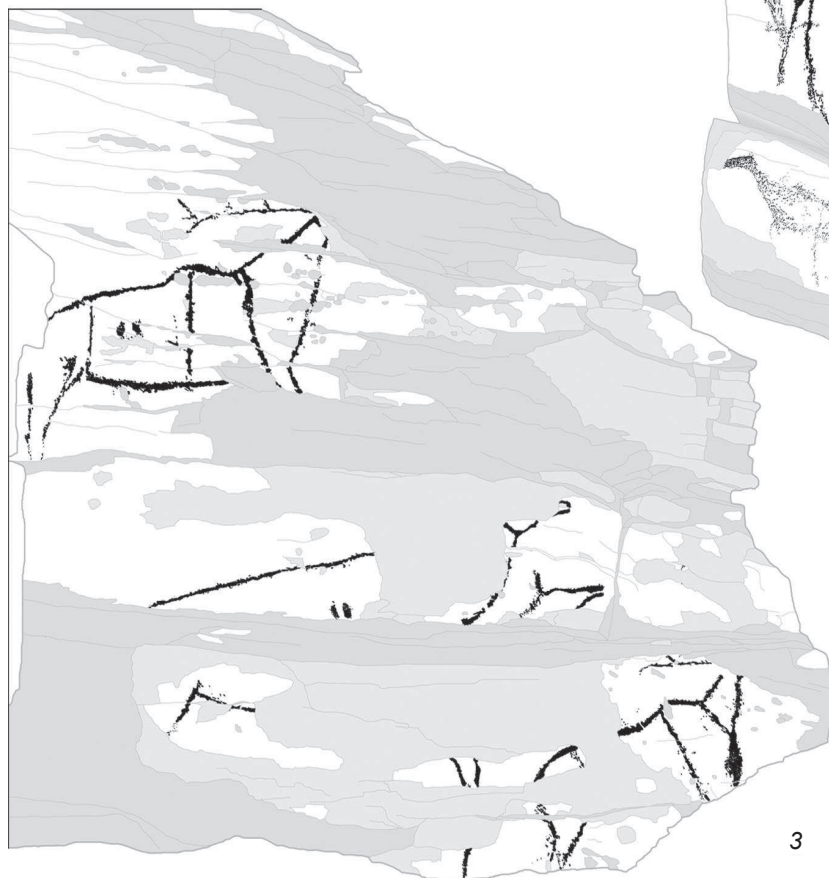

1

0 20 cm

2

3

0 20 cm

Рис. 15. Оглахты IX. Прорисовки автора, 2014 г.

вести полное обследование этой части горы, которая состоит из нескольких гряд с десятками ярусов скальных выходов на каждой.

Оглахты VII. Небольшая группа ранних петроглифов, обнаруженная Б. Н. Пяткиным в прибрежной части (восточный склон) уже после затопления водохранилища. Это Бугаев лог, севернее которого находятся петроглифы Оглахты II. Основная группа плоскостей расположена компактно в скальной нише под мощным естественным навесом, высоко над водой. Ещё несколько плоскостей найдены недавно на том же ярусе, но на открытых плоскостях, южнее ниши. Одна плоскость обнаружена на прибрежных скалах в период понижения уровня воды. Всего здесь насчитывается 15 плоскостей и более 30 отдельных рисунков. Изображены лоси, быки, олени, лошадь (?), кабан, неопределённые животные, а также знаки и линии. Для нанесения рисунков использовалась выбивка, шлифовка и красная краска (рис. 12).

Оглахты VIII. Небольшое местонахождение, было найдено в 1984 г. экспедицией Б. Н. Пяткина при обследовании внутренних логов горного массива. Несколько десятков изображений сосредоточены на скальных выходах по северному борту глубокого лога, устье которого начинается от береговой линии и который разделяет Оглахты I и II. Рисунки относятся к концу эпохи бронзы – раннему железному веку; частично опубликованы [Советова, 2005, рис. 13, 30А] (рис. 13). Дальнейшие поиски весьма перспективны, так как не все ярусы скальных выходов были обследованы в 1980-х гг.

Оглахты IX. Местонахождение обнаружено нами и Л. Л. Бове в мае 2014 г. при осмотре береговых скал с лодки в период некоторого спада уровня воды в водохранилище (рис. 14, 1). Оно расположено на участке южнее Бугаева лога (Оглахты VII) и севернее Чёртова лога (Оглахты V). На скалах, долгое время находившихся под водой, покрытых белесоватым налётом, с многочисленными отслоениями скальной корки и трещинами, мы заметили остатки выбивки крупных контурных фигур оленей, бизона (?), архаров (?) и др. животных, выполненных в хорошо узнаваемом классическом «минусинском» стиле (рис. 15, 2, 3).

К сожалению, сохранность всех плоскостей неудовлетворительная, петроглифы сохранились фрагментарно; кажется чудом, что эти рисунки вообще дошли до нас после нескольких

тысячелетий под открытым небом, и тем более после нескольких десятилетий пребывания под водой. При сравнении расположения плоскостей на береговых скалах на фотографиях из архивов А. В. Адрианова и Я. А. Шера и с привязкой к частично видимому над водой изображению быка (рис. 2, 1) на плоскости Оглахты I–36 (по нумерации Я. А. Шера) удалось установить, что обнаруженные композиции до заполнения водохранилища должны были находиться высоко на отвесных скалах, не менее чем в 8–10 м над уровнем береговой линии. Именно поэтому их и не замечали ранее исследователи памятника. Возможно, что тогда эти скалы были ещё и закрыты растущими на берегу деревьями. Точно такая же ситуация характерна для памятника Шалаболинская писаница, где изображения древнейшего пласта часто располагаются так высоко на неприступных скалах, что плохо видимы с земли, и к тому же прикрыты деревьями. Во время создания этих изображений, к ним, скорее всего, были вполне доступные подходы по нижележащим карнизам скального массива. Но за тысячелетия произошли сильные изменения геологического характера, и нижние карнизы отслоились и разрушились. Уцелели, видимо, лишь некоторые изображения на верхних ярусах. Этот факт – одно из свидетельств в пользу очень раннего возраста изображений минусинского стиля.

В июле уровень воды поднялся, и обнаруженные в мае плоскости оказались под водой. Но это дало нам возможность осмотреть с лодки следующий по высоте ярус скал, в результате чего новое местонахождение пополнилось ещё целой серией древнейших петроглифов [Миклашевич и др., 2015]. Практически все они располагаются выше самого высокого уровня подъёма воды, то есть затопленными никогда не были. Одни из них находятся на отвесных недоступных скалах над водой, другие – на склоне горы на более высоких ярусах скальных выходов, подход к которым до сих пор возможен, но сильно затруднён из-за разрушения нижележащих ярусов.

Все обнаруженные петроглифы нанесены техникой выбивки, контурно и силуэтно, фигуры крупные по размерам, выполнены очень реалистично. Одна из обнаруженных сцен представляет собой настоящий шедевр наскального искусства (рис. 14, 2; 15, 1): выполненные с удивительным мастерством и глубоким знанием натуры два стоящих морда к морде

архар (снежных барана, муфлона?), у которых очень точно переданы крутые завитки рогов, изгибы морды, раздвоенные копытца, светлая шерсть на брюхе и другие детали. Столь реалистичных изображений этого вида животных и подобной композиции в наскальном искусстве Минусинской котловины раннего пласта до сих пор не было известно, хотя стилистически им можно найти довольно близкие аналогии среди фигур лосей и быков Шалаболинской писаницы. На этой же плоскости справа от пары баранов изображены безрогий лось, частично перекрывающий одного из них, а также крупная фигура лося с большой короной рогов, бараны, выполненные не столь реалистично, и фрагменты изображений других животных. На соседних плоскостях обнаружены силуэтное изображение дикой лошади, выполненное в таком же стиле, и контурное изображение лося или оленя.

В целом, пока на местонахождении Оглахты IX мы насчитываем 9 плоскостей и 30 отдельных фигур, но продолжение исследований при разных уровнях воды может принести новые открытия.

Оглахты X. Сведений об этом местонахождении практически нет, за исключением того, что рисунки находятся на скалах где-то близ улуса Апкашев, который до затопления располагался на берегу Енисея в большом широком логу между южной и северной частями горного массива. Сейчас в этом логу находится ферма Аглагтаг. Петроглифы, изображающие характерных оглахтинских лошадей с разрисованными туловищами, а также котлы «скифского типа» были обнаружены и скопированы в 1958 г. Н. Л. Членовой, отнесены ею к VI–V вв. до н.э. [Членова, 1981, с. 86, 87]. Опубликовано несколько композиций [Там же, рис. 6; Членова, 1992, табл. 88, 3].

* * *

Таким образом, на данном этапе исследований нам известно 10 местонахождений, на которых в целом зафиксировано около 700 плоскостей (включая плиты) с примерно 3,5 тысячами отдельных изображений. Мы считаем возможным их объединение в единый комплекс не только по признаку нахождения в пределах одного горного массива, но также по наличию общих для разных местонахождений стилистических групп, образов и сюжетов. Наиболее характерным

примером такого «сквозного мотива», который зафиксирован на большинстве из перечисленных памятников, являются знаменитые «отмеченные» кони раннескифского времени [Советова, 1987; 2005, с. 36–44]. Этот стиль смело можно называть оглахтинским, так как на других памятниках Минусинской котловины подобные изображения не известны (за исключением единственной сцены, обнаруженной на скалах соседней горы Куны [Советова, 2006]). Историко-культурная ценность комплекса, конечно же, заключается не в количестве источников (хотя и это существенный показатель), а в их многообразии, репрезентативности, наличии как характерных, так и уникальных сюжетов, образов и стилей. Петроглифы Оглахты представляют все культурно-хронологические периоды, выделенные в древнем искусстве Хакасско-Минусинской котловины, при этом среди них есть такие группы, которые не вписываются в известные рамки. Многие изображения выполнены на высоком художественном уровне, то есть ценны и с эстетической точки зрения. Большое значение имеет то, что местонахождения наскальных рисунков здесь могут быть соотнесены с другими археологическими памятниками, многие из которых были раскопаны, и которые также представляют всю хронологическую колонку региона.

Мы оставили за рамками данной работы изображения на камнях оград тагарских курганов, которые во множестве встречаются на могильниках, расположенных в степи вокруг гор Оглахты; но они тоже должны быть включены в этот комплекс, так как создавались теми же людьми, что наносили изображения на скалы и плиты. Как отмечал Б. Н. Пяткин: «Многочисленные петроглифы на скалах, могильных плитах – особенно курганов тагарского времени – и отдельных плитах, разбросанных по склонам, создают неповторимое сочетание для хронологического подразделения рисунков» [1979, с. 126]. Это действительно так. Добавим к этому огромное количество и разнообразие этих рисунков, что позволяет выделить многочисленные стилистические группы, во многих случаях установить их относительную хронологию, благодаря случаям перекрывания или анализу внутренней стратиграфии многофигурных композиций. Сопоставление с изображениями на могильных плитах и датированными петроглифами

других памятников, предметами мелкой пластики и изображениями на артефактах, анализ изображённых реалий и прочие методы датировки наскального искусства позволили исследователям (Ю. Н. Есин, О. В. Ковалёва, И. В. Ковтун, Л. Р. Кызласов, Н. В. Леонтьев, Н. Л. Подольский, Б. Н. Пяткин, О. С. Советова, Н. Л. Членова, Я. А. Шер и др.) атрибутировать отдельные культурно-хронологические пласты и группы изображений оглахтинского комплекса. С учётом этих и наших собственных исследований, на основе существующих представлений о смене культур в регионе и ранее разработанной для енисейско-тубинской группы памятников культурно-хронологической колонки [Советова, Миклашевич, 1999; Miklashevich, 2003, fig. 22] создана подобная колонка для наскального искусства Оглахты (рис. 16). Сразу отметим, что она призвана дать лишь самое общее представление об изобразительных традициях разных периодов, в ней невозможно было представить ни всё разнообразие стилей, ни подразделение на ранние и поздние этапы внутри некоторых культур, ни даже все выделяемые к настоящему моменту хронологические группы. Разумеется, отнесение некоторых изображений к тем или иным ячейкам носило интуитивный характер и может быть оспорено другими специалистами или изменено с накоплением новых данных. Как бы то ни было, эта колонка в обобщённом виде демонстрирует многообразие оглахтинских петроглифов, основные образы и стилистические группы, длительность существования изобразительных традиций и их последовательность, позволяет ориентироваться в определении тех или иных петроглифов комплекса.

В целом, несмотря на долгую историю изучения памятников наскального искусства Оглахты, довольно значительную уже проделанную работу по их документированию, и даже целый ряд публикаций, исследование этого комплекса далеко от завершения. Информационный потенциал оглахтинских петроглифов огромен, но выявлен ещё лишь в очень небольшой степени. Необходимы масштабные долговременные полевые и камеральные исследования, не только собственно археологические, но и междисциплинарного характера. Несмотря на то, что безвозвратно погибло и перемещено очень большое ко-

личество петроглифов Оглахты, всё же есть возможности если не физического их восстановления, то хотя бы научного. Перспективы дальнейших исследований нам представляются следующим образом: 1) тотальная систематическая разведка всей территории горного массива (очень вероятно нахождение не только новых изображений в известных пунктах, но и обнаружение совершенно новых местонахождений); 2) замеры координат всех объектов, картографирование и разработка новой системы индексации; 3) документирование на современном уровне всех ранее скопированных плоскостей и, разумеется, тех, что ещё будут выявлены (фотофиксация, создание цифровых графических воспроизведений); в первую очередь необходимо исследовать береговые скалы при разных уровнях воды и всеми возможными способами копировать и фотографировать то, что ещё сохраняется на них; 4) сбор сведений по истории изучения комплекса, выявление архивных данных, поиск фотографий разных лет; обработка коллекции эстампажей А. В. Адрианова из МАЭ РАН, по которым можно будет восстановить (хотя бы для науки) утраченные плоскости; реставрация коллекции А. Н. Липского из Хакасского краеведческого музея (возможно, часть изображений удастся восстановить даже физически); 5) документирование изображений на плитках, вывезенных в различные музеи; 6) каталогизация и систематизация собранного материала (фотографии, прорисовки, описания, архивные материалы, результаты картографирования и т.д.); создание базы данных; 7) документирование изображений на плитах могильников, окружающих Оглахты; 8) составление археологической карты микрорайона, разведки археологических памятников, изучение материалов раскопанных объектов; 9) привлечение к археологическим исследованиям наскального искусства специалистов других дисциплин (геоморфология, петрография, палеозоология, трасология и др.); 10) документирование повреждений и мониторинг сохранности.

Полученные данные позволят перейти на следующий уровень исследований: более достоверная и детализированная культурно-хронологическая атрибуция и аргументированная интерпретация наскального искусства Оглахты. Кроме того, эти данные позволят

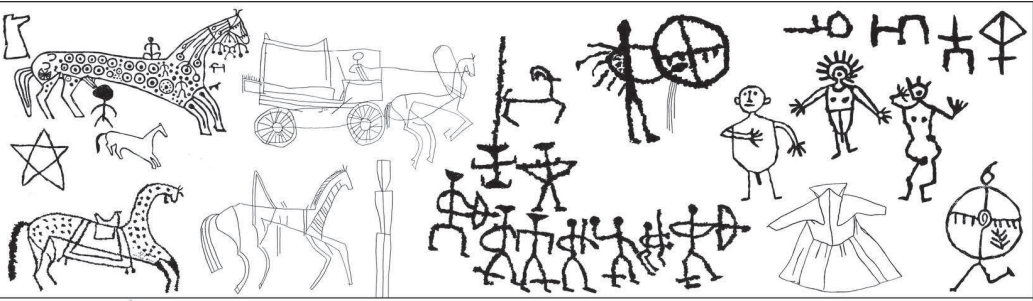
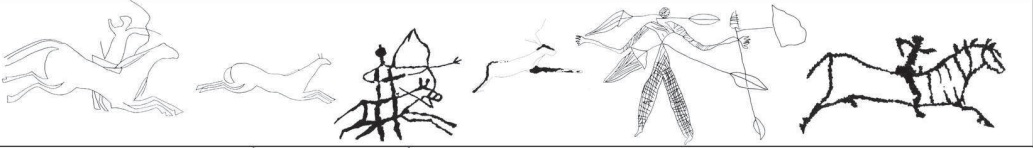
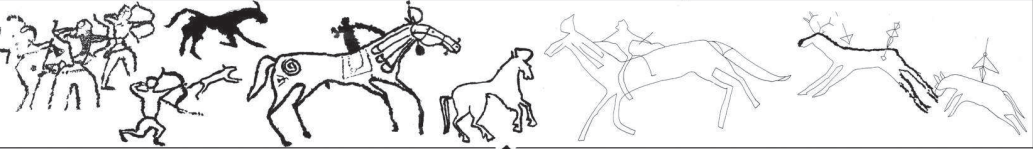
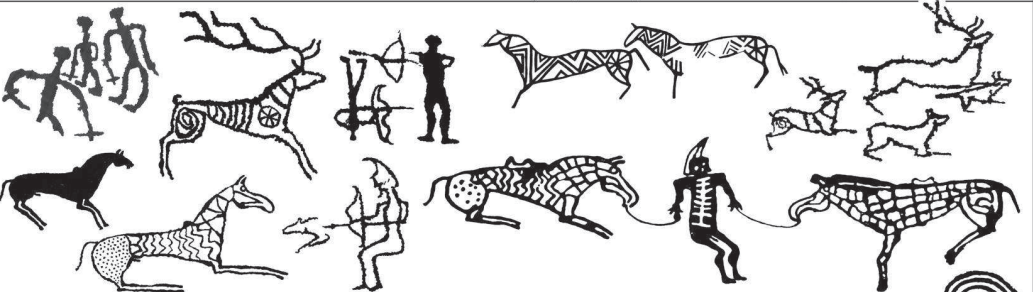
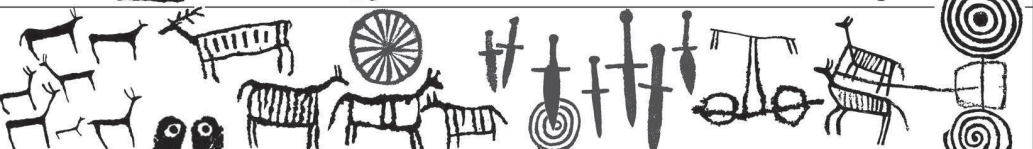
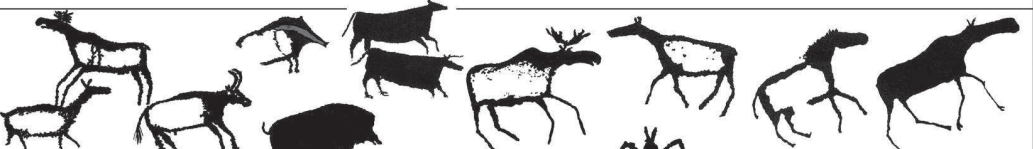
ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК	Новое время Хакаские рисунки 17-нач. 20 вв.	
	Эпоха енисейских кыргызов 6-12 вв. н.э.	
	Таштыкская культура 1-7 вв. н.э.	
	Хунно- сяньбийское время 2 до н.э.-3 в. н.э.	
	Тагарская культура 8-3 вв. до н.э.	
БРОНЗОВЫЙ ВЕК	Карасукская культура (?) кон. II - нач. I тыс. до н.э.	
	Окуневская культура кон. III - нач. II тыс. до н.э.	
КАМЕННЫЙ ВЕК (?) – ЭНЕОЛИТ (?)	«Ангарский» стиль III тыс. до н.э. (?)	
	«Минусинский» стиль V – III тыс. до н.э. (?)	

Рис. 16. Основные культурно-хронологические группы петроглифов комплекса Оглахты.

осуществлять на научной основе мероприятия по сохранению и презентации комплекса. В целом, на определённом этапе исследований будет правомерно поставить и вопрос о возможности включения Оглахты в Список всемирного наследия ЮНЕСКО.

В Списке всемирного наследия на 2015 г. значится 1031 объект из 163 стран. Из них 802 объекта номинированы в качестве культурного наследия, 197 – природного, 32 – культурно-природного. Из всех объектов 30 являются памятниками наскального искусства, либо включают их в свой состав. Россия в Списке представлена 26 объектами, среди них нет ни одного памятника наскального искусства. В Предварительном списке от России значатся «Петроглифы Сикачи-Аляна» (с 2003 г.), а также Капова пещера в составе номинации «Комплекс Башкирский Урал (заповедник Шульган-Таш и заказник Алтын-Солок)» (с 2012 г.). На территории России находится огромное количество памятников наскального искусства, это важнейшая часть культурного наследия нашей страны, и было бы справедливо, чтобы Россия была представлена в Списке всемирного наследия не только природными и архитектурными объектами. На наш взгляд, памятники наскального искусства Оглахты (наряду с ещё несколькими наиболее значимыми объектами этого вида, расположенными на территории России) нисколько не уступают по своей историко-культурной ценности и информационному потенциалу многим уже внесённым в Список местонахождениям наскального искусства из разных стран мира.

Проблема в том, что таких памятников не только в России, но и в других странах довольно много. Список не может расширяться до бесконечности, и для того, чтобы быть в него включённым, номинируемый объект наследия должен отвечать ряду критериев, причём доказать соответствие тому или иному критерию становится всё труднее. ICOMOS (Международный Совет по памятникам) разработал рекомендации по пре-номинации (подготовке досье для номинирования в Список) специально для памятников наскального искусства [Rock Art: Pre-nomination Guidelines, 2012]. В них подчёркивается, что из сотен тысяч имеющихся на Земле памятников этого вида объектами всемирного наследия могут быть признаны только те, которые смогут доказать свою «исключительную мировую ценность»

путём сравнительного анализа со сходными памятниками и соответствия нескольким критериям из шести, разработанных для объектов культурного наследия [Там же, р. 23–25]. Если исходить из комментариев, сопровождающих в этом документе каждый критерий, то петроглифы в горах Оглахты удовлетворяют в той или иной степени следующим из них: 1) (i) «объект представляет собой шедевр творческого гения человека» (если бы водохранилище не уничтожило десятки композиций «минусинского» и «ангарского» стиля на береговых скалах, то соответствие этому критерию не вызывало бы никаких сомнений); 2) (ii) «объект свидетельствует о значительном взаимовлиянии человеческих ценностей в определённый период времени или в определённом культурном пространстве мира ...»; 3) (iii) «объект является уникальным или, по крайней мере, исключительным свидетельством культурной традиции или цивилизации, исчезнувшей или существующей»; 4) (vi) «объект прямо или реально связан с событиями или живыми традициями, идеями, верованиями...». Естественно, всё это нужно доказать, а для этого необходимы соответствующие исследования. В рекомендациях также указывается, что номинируемый объект должен быть адекватно изучен, а материалы исследований должны быть доступными и храниться в форме базы данных; должны быть решены проблемы консервации и менеджмента объекта; все вопросы, связанные с изучением, сохранением и использованием объекта, должны излагаться в досье ясно и подробно и подтверждаться соответствующей документацией [Там же, р. 25–26].

Проблемы консервации петроглифов Оглахты пока никак не решаются. А проблема воздействия водохранилища на береговые скалы, сопровождающегося постоянным разрушением петроглифов, может стать серьёзным препятствием для включения в Список. Что же касается охраны и менеджмента, то комплекс Оглахты находится, видимо, в самом лучшем положении по сравнению с остальными памятниками региона. Оглахты большей частью располагается на территории Государственного природного заповедника «Хакасский», режим охраны которого сильно отличается от режима охраны музеев-заповедников и прочих музеев под открытым небом, в состав которых входят памятники наскаль-

ного искусства, не говоря уже о множестве вообще никак не охраняемых местонахождений. Посещение петроглифов на участке «Оглахты» заповедника «Хакасский» возможно только по специальному разрешению либо в составе туристической группы с обязательным присутствием экскурсовода. Нахождение много лет в составе заповедника обеспечило памятнику реальную защиту от вандализма: здесь практически нет посетительских граффити. При этом успешно развивается направление презентации наскального искусства широкой публике: заповедник издаёт научно-популярную продукцию о культурном наследии, на участке создан визит-центр, сооружена лестница и смотровая площадка для осмотра группы петроглифов на горе «Сорок Зубьев», проводятся экскурсии, обеспечено информационное сопровождение.

По нашему мнению, именно наскальное искусство определяет «исключительную мировую ценность» Оглахты, но оно не единственный компонент. Ведь здесь, как уже говорилось, расположены многочисленные археологические объекты других видов. Природное окружение имеет свою ценность, не случайно эта территория стала заповедной. Более того, значимость памятников наскального искусства, их историческая ценность определяется в числе прочих факторов и тем, что они могут быть соотнесены с другими археологическими памятниками. А удивительный горный ландшафт, бесспорно, неотъемлемая часть эстетического воздействия и культурной ценности наскального искусства. В связи с этим, наверное, целесообразно было бы рассматривать комплекс Оглахты как «Культурный ландшафт» – категорию, которая официально была включена в Список ЮНЕСКО в 1992 г. [Jun-hi Han, 2013, p. 141]. Она относится к объектам культурного наследия и представляет «совместную работу природы и человека» [Operational Guidelines, 2013], и именно она наилучшим образом отвечает сущности искусства на скалах, которое невозможно представить без природного окружения, и которое при этом само преобразовывает («окультуривает») ландшафт. В то же время, может быть, стоит рассмотреть и возможность представления Оглахты как объекта смешанного, культурно-природного наследия. Тем более, что таких объектов в Списке очень мало (менее 3%). Для этого нужно определить, соответствует ли территория массива критериям, обозначенным для

объектов природного наследия [Там же]. Эта тема не в нашей компетенции, но может быть разработана сотрудниками Заповедника «Хакасский». В любом случае, комплекс памятников наскального искусства Оглахты нуждается во всестороннем исследовании, сохранении и презентации его широкой общественности.

Литература

- Адрианов А. В.** Писаницы Енисейской губернии. – Томск, 1906. Рукопись / Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. Д. 55.
- Адрианов А. В.** Обследование писаниц в Минусинском крае летом 1907 г. // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Вып. 8. – СПб., 1908. – С. 37–46.
- Вадецкая Э. Б.** Археологические памятники в степях Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 180 с.
- Девяткин Г. В., Кустов Ю. И., Липаткина О. О., Окаемов С. А., Прокофьев С. М., Рогачева Э. В., Санникова И. В., Сыроечковский Е. Е., Штильмарк Ф. Р.** Хакасский заповедник // Заповедники Сибири. Т. II. – М.: Логата, 2000. – С. 129–143.
- Есин Ю. Н.** Петроглифы «Шаман-Камня» (гора Оглахты, Хакасия) // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2013. № 1 (5). – С. 66–81.
- Кызласов Л. Р.** Отчёт о работе Хакасской археологической экспедиции МГУ в 1973 г. Рукопись / Архив ИА РАН, Р-1, № 5096.
- Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В.** Народные рисунки хакасов. – М.: Наука, 1980. – 176 с.
- Леонтьев Н. В.** Хакасские народные рисунки на плитах горы Оглахты // Вопросы истории Хакасии. – Абакан, 1977. – С. 124–135.
- Миклашевич Е. А., Бове Л. Л., Зоткина Л. В., Солодейников А. К., Тихтерев А. С.** Исследование петроглифов древнейшего пласта на береговых скалах Оглахты в 2014 г. // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – №1(61). – Т. 3. – С. 55–65.
- Миклашевич Е. А., Мухарева А. Н.** Коллекция каменных плит с петроглифами в фондах музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета // Музей и наука. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. – С. 64–66.
- Миклашевич Е. А., Ожередов Ю. И.** Фотографии сибирских писаниц в наследии

А. В. Адрианова // Тропую тысячелетий. К юбилею М. А. Дзвлет. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. – С. 156–187. (Труды САИПИ. – Вып. IV).

Михайлов Н. И. Горы Южной Сибири: очерк природы. – М.: Географгиз, 1961. – 239 с.

Пяткин Б. Н. К проблеме хронологического определения петроглифов предскифского времени на Среднем Енисее // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. – Кемерово, 1979. – С. 126–129.

Пяткин Б. Н. Камень с рисунками в урочище Кизань (гора Оглахты) // Проблемы древних культур Сибири. – Новосибирск, 1985. – С. 116–127.

Пяткин Б. Н., Советова О. С., Миклашевич Е. А. Петроглифы Оглахты-V (публикация коллекции) // Древнее искусство Азии. Петроглифы. – Кемерово, 1995. – С. 86–108.

Советова О. С. О своеобразных изображениях коней со скал Оглахты // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 139–143.

Советова О. С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). – Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2005. – 140 с.

Советова О. С. «Господин коней» на кунинских скалах // Археология Южной Сибири. Вып. 24. – Кемерово, 2006. – С. 128–130.

Советова О. С., Миклашевич Е. А. Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов (по итогам работы Петроглифического отряда Южносибирской археологической экспедиции КемГУ) // Археология, этнография и музейное дело. – Кемерово: КемГУ, 1999. – С. 47–74.

Черняева О. С. Из истории исследования Оглахтинской писаницы // Молодые ученые и специалисты Кузбасса в X пятилетке. – Кемерово, 1981. – С. 147–150.

Членова Н. Л. Тагарские лошади (о связях племен Южной Сибири и Средней Азии

в скифскую эпоху) // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. – М.: Наука, 1981. – С. 80–94.

Членова Н. Л. Тагарская культура // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 206–224.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.

Шер Я. А. «Господин коней» на берегу Енисея // Петербургский археологический вестник. № 6. – СПб., 1993. – С. 17–22.

Appelgren-Kivalo H. Alt-Altaische Kunst- denkmäler. – Helsingfors: Finnische altertumsgesellschaft, 1931. – 47 S., 72 Taf.

Jun-hi Han. The Bangudae petroglyph site and perspectives for its inscription on the World Heritage List // Bangudae: petroglyph panels in Ulsan, Korea, in the context of World rock art. – Seoul: Hollym Corp., 2013. – P. 139–159.

Miklashevich E. A. Rock Art Research in North and Central Asia 1995–1999 // Rock Art Studies: NEWS of the World 2. Developments in Rock Art Research 1995–1999. – Oxford: Oxbow Books, 2003. – P. 88–118.

Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. 2013 revised version // <http://whc.unesco.org/en/57> [дата обращения: 15.04.2015].

Pyatkin B. N., Sovetova O. S., Miklashevich E. A. Studies of rock art in the Middle Yenisei region // International Newsletter on Rock Art. – 1998. – № 21. – P. 16–18.

Rock Art: Pre-Nomination Guidelines to propose an inscription on the World Heritage List of UNESCO // International Newsletter on Rock Art. – 2012. – № 63. – P. 14–26.

Sher J. A., Blednova N., Legchilo N., Smirnov D. Oglakhty I-III (Russie, Khakassie) // Repertoire des petroglyphes D'Asie Centrale. Fascicule №1: Sibirie du Sud 1. – Paris, 1994.

THE OGLAKHTY ROCK ART COMPLEX: informational potential and research perspectives

E. A. Miklashevich

The paper gives characteristics to 10 rock art sites situated within the Oglakhty mountain massif (Republic of Khakassia, Russia) which together form one of the largest rock art complexes of South Siberia. The author describes the localization and main peculiarities of each site; presents unknown archival and museum materials as well as the results of her recent field investigations; gives a cultural-chronological sequence, which demonstrates the main stages in the development of art traditions of the complex; characterizes the current state and future prospects for the research. The conclusion is that the Oglakhty rock art complex has a huge informational potential and is of high cultural and historical value; the possibility of its entering into the UNESCO World Heritage List is under discussion.

Key words: rock art, Minusinsk basin, Khakassia, Oglakhty

ПЛОСКОСТЬ ШЕСТЬ ТОМСКОЙ ПИСАНИЦЫ: новые материалы

И.Д. Русакова

УДК 903.27

С 2005 года проводятся работы по документированию и мониторингу состояния памятников наскального искусства реки Томь. Они приводят не только к уточнению ранее известных изображений, но и к открытию новых. Настоящая статья вводит в научный оборот новые изображения Томской писаницы, выполненные красной краской.

Ключевые слова: древнее наскальное искусство, Томская писаница, петроглифы, красная краска, самусьская культура, окуневская культура

С 2005 года небольшой коллектив сотрудников музея-заповедника «Томская Писаница», Института экологии человека СО РАН и Кемеровского государственного университета ведёт работы по документированию и мониторингу состояния памятников наскального искусства Нижнего Притомья. Необходимость этих работ обусловлена большим промежутком времени с момента первой наиболее полной публикации петроглифов р. Томь [Окладников, Мартынов, 1972], появлением новых, более совершенных методов фиксации и копирования древних рисунков, и, конечно, необходимостью сохранения памятников наскального искусства. За это время проделана значительная работа, которая позволила, в том числе, обнаружить немало новых изображений практически на всех писаницах [Ковтун, Русакова, 2005; Ковтун, Русакова, Миклашевич, 2005; Ковтун, Русакова, Мухарева, 2011; Миклашевич, 2011а; Миклашевич, 2011б; и др.] и даже открыть одно новое местонахождение Крутая II [Ковтун, Русакова, 2009].

Настоящая статья вводит в научный оборот новые материалы, полученные на плоскости 6 (по современной нумерации) Томской писаницы в результате повторного копирования, фотофиксации увлажнённой поверхности и прорисовок по фотографиям с повышением контрастности.

Плоскость находится в естественной нише, вероятно, образованной вследствие выпадения огромного скального блока в глубокой древности. В результате образовалась гладкая вертикальная поверхность, защищённая со всех сторон каменными выступами. В течение дня она подвергается воздействию солнечных лучей гораздо менее продолжительное время, по сравнению с другими плоскостями памятника, поэтому патина на ней – значительно менее интенсивная: в правой части – коричневатого цвета. Левая часть плоскости патинирована ещё более слабо: её поверхность имеет серовато-зеленоватый цвет, что лишь незначительно темнее естественного цвета породы, слагающей скалы Томской писаницы. В центральной части

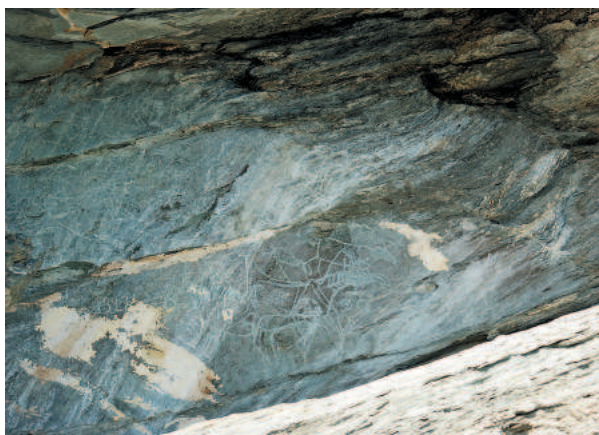

Фото 1. Плоскость 6 Томской писаницы.
Фото И.В. Ковтуна, 2008 г.

Фото 2. Плоскость 6 Томской писаницы.
Фото 2011 г. после удаления эпоксидной обмазки.